

Археологические вести

— 26 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

А. С. С.

Archaeological news

26
(2020)

On the 90th anniversary of Aleksandr Danilovich Grach

SAINT PETERSBURG
2020

Археологические вести

26
(2020)

К 90-летию Александра Даниловича Грача

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвоцинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители: А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашуба

Рабочая группа: В. С. Бусова, М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, Д. Г. Савинов

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор И. Л. Тихонов, доктор исторических наук, профессор В. В. Бобров

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. – 1992. – **Вып. 26** / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. – СПб., 2020. – 304 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередном выпуске «Археологических вестей» ИИМК РАН публикуются избранные материалы, представленные участниками конференции «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург – 2», прошедшей в г. Санкт-Петербурге в декабре 2018 г. Конференция была приурочена к 90-летию со дня рождения А. Д. Грача – выдающегося отечественного археолога, крупного исследователя древностей Центральной Азии и основателя двух направлений в рамках ленинградской археологической школы: археологического изучения Тувы и археологического изучения Ленинграда / Санкт-Петербурга. Отдельный раздел затрагивает актуальные проблемы спасательных археологических исследований в зонах затоплений на примерах работ отечественных и иностранных ученых. В мемориальной части помещены воспоминания младших коллег и друзей А. Д. Грача о его научном пути в археологии, разносторонне характеризующие его личность и вклад в развитие археологии Тувы и Санкт-Петербурга. Важную часть составляют документальные свидетельства, связанные с работой А. Д. Грача в ЛОИА АН СССР, его руководством крупнейшей в СССР Саяно-Тувинской экспедицией Академии наук, а также решение Ученого совета ИИМК РАН об ошибочности его увольнения из ЛОИА АН СССР и признании его заслуг перед отечественной археологией. Издание сопровождается фотографиями, хранящимися в Научном архиве ИИМК РАН и в личных архивах авторов, многие из которых публикуются впервые.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS includes selected materials presented by participants of the conference “Ancient cultures of Central Asia and Saint Petersburg – 2” held in Saint Petersburg in December, 2018, and timed to the 90th anniversary of A. D. Grach – a prominent national archaeologist, outstanding researcher of antiquities of Central Asia and the founder of two Leningrad archaeological schools: archaeological studies of Tuva and archaeological investigations of Leningrad / Saint Petersburg. A particular section is concerned with urgent problems of rescue archaeological investigations in submergence zones at the examples of Russian and foreign scholars. The memorial part contains reminiscences by younger colleagues and friends of A. D. Grach about his scientific career in archaeology characterizing many aspects of his personality and his contribution to the progress of archaeology of Tuva and Saint Petersburg. An important part was constituted by documentary evidence concerned with A. D. Grach’s work in the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA), AS USSR, and his guidance of the largest in the USSR Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Academy of Sciences, as well as the resolution of the Scientific Council of IIMK on the fallaciousness of his dismissal from the LOIA AS USSR and recognition of his service to the national archaeology. The publication includes photographs kept at the Scientific Archives of IIMK RAS and in personal archives of the authors; many are published for the first time.

Обложка / Cover:

Первая страница – Роговая поясная пряжка из кургана 13 могильника Саглы-Бажи II (к статье Л. С. Марсадолова)

Fist page of cover – Horn belt buckle from barrow 13 at the cemetery of Sagly-Bazhi II (article by L. S. Marsadolov)

Четвертая страница – Дорога в Старый Шагонар (ныне – дно Тувинского моря) и петроглифы Овьюра (петроглифы – к статье В. С. Бусовой, М. Е. Килуновской)

Fourth page – Road to Stary (Old) Shagonar (now bottom of the Tuva Sea) and petroglyphs in Ovyur (petroglyphs – article by V. S. Busova and M. E. Kilunovskaya)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

ISSN 1817-6976

НА КРАЮ СТЕПНОЙ ОЙКУМЕНЫ: СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

О КОМПЛЕКСЕ ОДНОГО ИЗ СЕМИКОЛЕННЫХ КУРГАНОВ В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

Т. В. Рябкова¹

Аннотация. Статья посвящена публикации и атрибуции ряда золотых предметов из коллекций 2537 и 2494 Государственного Эрмитажа. Они происходят из одного из разрушенных Семиколенных курганов на плато Шахан. Стилистический анализ позволил установить, что бляшки относятся к передневносточной изобразительной традиции и вместе с аналогичными вещами из музеев Берлина, Филадельфии, Нью-Йорка составляли декор одежды погребенного в одном из Семиколенных курганов. Время создания предметов определяется в пределах третьей четверти VII в. до н. э.

Annotation. This paper is devoted to publication and attribution of a series of gold objects from collections no. 2537 and no. 2494 at the State Hermitage Museum. They come from one of the destroyed Semikolennye kurgans on the Shakhan plateau. Stylistic analysis has enabled to establish that these plaques belong to the Near East figurative tradition and, similarly to analogous objects from museums of Berlin, Philadelphia, and New-York, served as decoration of the garment of the buried individuals in one of the Semikolennye barrows. The date of the making of these objects is defined to within the third quarter of the 7th century BC.

Ключевые слова: Семиколенные курганы, скифская архаика, передневносточное искусство, нашивные бляшки, декор одежды.

Keywords: Semikolennye kurgans, Scythian Archaic art, Asian Near East, sewn-on plaques, decoration of clothes.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-272-282

В собрании Государственного Эрмитажа хранятся коллекции предметов, купленных Императорской Археологической комиссией на Кубани у торговцев курганными древностями. Всем, знакомым с опубликованными Отчетами ИАК, известно, что в них присутствует раздел «Приобретение отдельных коллекций и случайных находок». В те годы отношение к пополнению музейных собраний в значительной степени отличалось от современного: многие коллекции пополнялись за счет покупок у находчиков, краеведов и просто торговцев древ-

ностями, часто подобные покупки передавались в Императорский Эрмитаж. Как правило, в этих коллекциях представлены очень интересные и зачастую уникальные изделия. Работа с ними трудна, но не безнадежна, и в некоторых случаях имеется возможность реконструировать комплексы, откуда происходят подобные вещи.

Коллекция 2537, состоящая из золотых предметов, выполненных в разных техниках и относящихся к разным хронологическим периодам, поступила в Эрмитаж из ГАИМК в 1926 г. Все изделия значатся как «присланные начальником Кубанской Области, приобретены у сотрудника Кубанского Музея» (рис. 1). Возникающее при чтении документа недоумение по поводу продажи древних пред-

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34.
Государственный Эрмитаж,
Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.
Адрес электронной почты: ryabkova-tatyana@mail.ru.

Рис. 1. Предметы коллекций 2537 (1–10), 2494 (11). 1–3, 5–11 – золото; 4 – золото, поделочный камень.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Fig. 1. Objects from collections no. 2537 (1–10) and no. 2494 (11). 1–3, 5–11 – gold; 4 – gold, semi-precious stone.
© The State Hermitage, Saint Petersburg

метов сотрудником музея, как выяснилось, не имеет под собой оснований: этот сотрудник, безусловно, действовал в рамках дозволенного: в Кубанском войсковом музее наряду со «служащим персоналом» были и «любители-сотрудники», которым выдавались открытые предписания от начальника Кубанской области и Наказного Атамана на собирание коллекций для музея (*Гладкий*, 1913. С. 45). Именно они сохраняли если не для науки, то хотя бы для Отечества предметы старины, покупая их у «находчиков» и впоследствии передавая в ИАК.

Один из предметов коллекции 2537 – золотая пластина-накладка на сосуд с изображением «Potnia Theron» (рис. 1, 9) – впервые был опубликован А. П. Манцевич (1966. С. 34, рис. 7, 11). Анастасия Петровна считала, что эта накладка, равно как и другие золотые предметы (бляшки в виде двойного лотоса и грифона), происходят из кургана Шахан или Семиколенного близ ст. Тульской Майкопского

района. На чем же базировалась уверенность А. П. Манцевич? Коллекция Ку 1915-5 (2537) поступила в Эрмитаж из ГАИМК в 1926 г. (акт № 2850 от 7 июня 1926 г.). В акте под № 251 фигурирует «золотая пластинка с изображением "Potnia Theron"» (этикетка № 6 – № по книге поступления 22736). Хотя никаких упоминаний о ст. Тульской в акте передачи нет, в инвентаре Ку есть карандашная запись «м. б. ст. Тульская». Все вещи из этой коллекции относятся к числу статусных и выглядят как набор, объединенный по признаку драгоценного материала, а отнюдь не по принадлежности к одному комплексу. Для выяснения обстоятельств, позволивших А. П. Манцевич отнести пластину-накладку и нашивные бляшки в виде лотоса и грифона к комплексу кургана «Шахан-Семиколенный», необходимо обратиться к «Отчету по Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею за 1911–1912 гг.» (*Гладкий*, 1913).

Этот документ содержит заметки об археологических раскопках, принадлежащих перу заведующего музеем Ивана Гладкого. История курганов в Тульской заключалась в следующем: 24 июня 1912 г. Атаман Майкопского отдела полковник Лагунов донес Наказному Атаману, что в юрте ст. Тульской ограблены курганы. Наказной атаман распорядился охранять разрытые курганы впредь до особого распоряжения и обратился к члену ИАК В. В. Шкорпилу за дальнейшими указаниями. В. В. Шкорпил связался с Н. И. Веселовским, вследствие чего тот выехал в г. Майкоп для доследования ограбленного памятника. К раскопкам присоединился И. Гладкий.

Горный хребет Шахан (Семиколенный курган) находится в юго-восточном углу юрта ст. Тульской, примерно в 3–4 верстах к югу от нее. Гладким приведен рисунок «местечка Шахан» и точкой обозначено положение кургана, где грабителями были найдены вещи (Там же. Рис. 1). При осмотре выяснилось, что «вообще все плато Шахан, судя по массе мест, разрытых хищниками, давшими, как говорят, легендарные сокровища, – представляет как бы сплошное кладбище» (Там же. С. 70). Осмотр местности летом 2019 г. позволил установить, что Шахан – это горный хребет с плоской платообразной вершиной, вытянутый с севера на юг вдоль долины р. Белой, находящейся к востоку от него. Ближайшие населенные пункты – хутор Шунтук и пос. Первомайский Майкопского муниципального района Республики Адыгея. В северной части хребта, при въезде на плато со стороны хутора Шунтук в густом буковом лесу удалось насчитать порядка семи сильно разрушенных курганных насыпей разного размера с воронками в центре.

Схематичные рисунки Гладкого (Там же. С. 73, рис. 3) позволяют удостовериться, что большой курган, откуда и происходили сокровища, был изрыт множеством ям, поэтому остается догадываться, сколько погребений могло быть разрушено. Работы под руководством Н. И. Веселовского велись на двух раскопках: было обнаружено несколько маленьких золотых украшений, скелет лошади, фрагментированные человеческие скелеты, маленький лепной горшок и фрагмент железных удил (Там же. С. 75). Кроме этого, часть награбленного была изъята у кладоискателей и передана в Войсковой музей.

На фотографии этих вещей из Отчета, несмотря на плохое качество, все же можно увидеть предметы, фигурирующие и в эрмитажной коллекции 2537 (Там же. Рис. на с. 63). Опубликованная опись вещей с указанием размеров и веса позволяет точно соотнести два из них с предметами из Эрмитажа: это «цветки, выдавленные на золотых листах» и «пластинка золотая с выдавленной на ней фигурой крылатого льва с короной на голове» (рис. 1, 5, 10). Один из двух «цветков» и «крылатый лев» заметны на фотографии, что, вероятно, позволило А. П. Манцевич соотнести их с Семиколенным курганом. Видимо, пластина с антропоморфным изображением «Potnia Theron» была соотнесена с этим набором на основании того, что входила в коллекцию 2537.

Сложно утверждать, что какая-то часть предметов, переданных в Кубанский войсковой музей, позднее поступила в Эрмитаж: грифон на фотографии показан идущим влево, в то время как эрмитажный – идет вправо. Скорее всего, в эрмитажную коллекцию попали другие вещи из этого же разграбленного комплекса: они могли быть приобретены сотрудником музея на черном рынке и впоследствии быть переданными в ИАК, откуда и попали в Эрмитаж.

История Семиколенных курганов, к сожалению, была типичным явлением. Размах хищнических раскопок и связанных с ними рынков по сбыту древностей в то время был ужасающим. Противодействуя вывозу древностей за границу, ИАК занималась покупкой особо ценных предметов у торговцев краденым – об этом свидетельствуют и коллекции Эрмитажа, в происхождении которых значится: куплено в Майкопе, в Лабинской, на Тамани, некоторые коллекции приобретались у печально известных дельцов Карапетова и Аджигитова. Высочайший уровень предметов позволяет грустно констатировать, что археологи, к сожалению, не успевали за грабителями.

Как ни старались власти сохранить предметы старины в пределах России и передать в музеи, многие из них оказывались за рубежом. С деятельностью Карапетова и известного коллекционера Мерле де Массоне связывается вывоз из России и появление за границей знаменитого «Майкопского клада» («Maikop treasure») – огромного собрания курганных древностей, происхождение которых связывается

с югом России. Де Массоне распродал свою коллекцию, вывезенную из России, по частям, и ныне она рассредоточена по собраниям Метрополитен-музея в Нью-Йорке, Музея археологии и антропологии Университета Пенсильвании, Государственных музеев Берлина и Римско-германского музея Кёльна (Leskov, 2008. P. 1). Среди предметов «Майкопского клада», опубликованного А. М. Лесковым, есть прямые аналогии вещам из коллекции 2537 (Leskov, 2008. Cat. 63, 65, 67, 72, 82, 86, 91). Поскольку это обстоятельство им никак не упомянуто, то, вероятно, он ничего не знал об эрмитажных предметах. Тем не менее часть опубликованных А. М. Лесковым предметов явно происходит из разрушенных Семиколенных курганов на плато Шахан, так же как и опубликованные в 1940 г. предметы из Метрополитен-музея (Dimand, McAllister, 1940. Fig. 2).

Судя по записям в инвентарных книгах Эрмитажа, Семиколенных курганов было 3 и еще один (всего 4 (?)). Они были раскопаны Н. И. Веселовским в 1914 г., переданы в Эрмитаж в 1926 г. и зашифрованы как коллекция 2494 (Ку 1914-3). Ника-

ких сведений об этих раскопках в опубликованных отчетах ИАК нет. Тем не менее в инвентарных книгах указано, что коллекция 2494 (Ку 1914-3) поступила по трем актам: от 5 июня 1926 г. (дело № 21), 7 июня 1926 г. (дело № 169), 5 февраля 1927 г. (дело № 26), и дается ссылка на архивные дела ИАК № 21 и 61 (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1, оп. 1, д. № 21, 61). Краткое упоминание об осмотре курганов в Тульской, повторенное в опубликованном Отчете ИАК (ОИАК 1918. С. 159), удалось найти лишь в деле № 61: «В Тульской станице, при осмотре разграбленного Семиколенного кургана, найден выкинутый из могилы стеклянный козлик» (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1, оп. 1, д. 61, л. 11). Этот же козлик (инв. № ГЭ 2497/1) фигурирует и в любопытном документе, относящемся, вероятно, ко времени раскопок Н. И. Веселовского в 1914 г., обнаруженном в коробке с вещами коллекции 2494 (рис. 2). Документ послужил основой для распределения материалов по трем Семиколенным курганам, так как в инвентаре «Ку» есть запись карандашом: «Определение курганов по записке».

На семи-коленных
в войсковом и в в.
Найдено:
в I кургане найдено 1 тарелка
и 1 узелок у дна.
Лошадиный убор из в. будоки.
в II кургане найдено 1 узелок
у дна 1 тарелка и
не взятая будка посуды.
в III кургане найдено
1 узелок у дна, будка
лошадиная, стеклянный козлик.

Рис. 2. Записка с распределением материалов Семиколенных курганов по комплексам
Fig. 2. A memo distributing materials from Semikolenny kurgans over complexes

Итак, небольшая часть коллекции была отнесена к курганам 1–3, все прочие вещи из коллекции 2494 обозначены просто «Тульская ст., Семиколенный курган, раск. Веселовского». Среди этих вещей есть золотые нашивные бляшки, пуговицы и гвоздики; обломки амфоры, чернолакового сосуда, ручки аттического килика; бронзовые кольца и серьги; обломок раковины; кремьень; наконечники стрел; обломок костяной пластины. Хронологический диапазон набора велик: от эпохи бронзы до V–IV вв. до н. э., что также позволяет усомниться в комплексности находок. Все это подтверждает тот факт, что «в 1912 г. в районе ст. Тульской было раскопано не одно, а ряд погребений различного времени» (Иессен, 1955. С. 32). Часть предметов оставалась у «находчиков» вплоть до середины XX в. В 1950 г. в Майкопе художник Н. Н. Ерамов передал вещи из грабительских раскопок 1912 г. А. А. Иессену, причем до этого в 1949 г. «большая группа бронзовых предметов и обломков» была передана им же в Майкопский музей (Там же. С. 31).

Несмотря на то что атрибуция и распределение по комплексам всех находок из Семиколенных курганов – дело будущего, на основании типологического и стилистического анализа предметов из эрмитажных коллекций 2537 и 2494 можно выделить вещи, которые предположительно **относятся к одному комплексу**.

К обозначенным А. П. Манцевич накладке на сосуд и двум бляшкам можно добавить нашивные бляшки в виде крестообразной фигуры с ромбом в центре и волютами-завитками на каждом из лучей (коллекции 2537, 2494) и, вероятно, гвоздики для прикрепления накладки на сосуд (коллекция 2494) (рис. 1, 5, 6, 9–11).

Бляшки в виде крестообразной фигуры с ромбом в центре и волютами-завитками на каждом из лучей (рис. 3, 1) имеют припаянные на обороте петельки для нашивания на одежду. Учитывая их значительное количество (известно 252 таких бляшки: 16 экз. – в двух коллекциях Эрмитажа, 6 экз. – в музее Пенсильвании, 12 экз. – в Метрополитен-музее, 218 экз. – в Государственных музеях Берлина), можно предположить, что они располагались в виде орнаментальных рядов. Аналогии изображению на бляшках известны в искусстве Ирана и Урарту (Leskov, 2008. Р. 55). Вероятно, наиболее ранним явля-

ется изображение подобной фигуры на дне бронзового сосуда из могильника Марлик, даты которого определяются в пределах XIII–X вв. до н. э. (рис. 3, 2). На рельефе из Адилчеваза (рис. 3, 5) и на обкладке ножен парадного акинака из 1-го кургана Келермеса, раскопанного Д. Г. Шульцем (рис. 3, 6), подобная фигура является центром композиции, символизируя, вероятно, Древо жизни или некий астральный символ. Изображение использовалось и в составе орнаментальных рядов: аналогичные фигуры разделяют регистры с изображениями божеств на бронзовых поясах из Урарту (рис. 3, 4), фланкируют орнамент на рукояти меча из Мельгуновского кургана (рис. 3, 7). Возможно, близкие по форме бляшки из Саккызского клада (рис. 3, 3) тоже были нашивными. Изображения на нашивных бляшках, обнаруженных близ храма Артемиды в Эфесе (Британский музей, № GR 1907.12-1), при общем сходстве композиции имеют значительные отличия. Вероятно, это наиболее поздняя переработка ирано-урартского мотива в ионийской среде. Таким образом, круг приведенных аналогий позволяет предположить, что бляшки из Семиколенного кургана выполнены под влиянием урартской традиции. Композиционная близость урартским мотивам, в особенности рельефу из Адилчеваза, относящегося к 680–645 гг. до н. э. (Kellner, 1991. Р. 155), позволяет предложить для рассматриваемых бляшек несколько более раннюю дату, чем для предметов из храма Артемиды, датирующихся в пределах второй половины VII в. до н. э.

Нашивная бляшка в виде сдвоенной пальметки из противопоставленных лотосов на ромбовидном основании (рис. 4, 1) идентична бляшкам из Берлинской коллекции (19 экз.) и из Филадельфии (1 экз.). Дата V в. до н. э., предложенная А. М. Лесковым для аналогичной бляшки (Leskov, 2008. Р. 57), представляется неубедительной, поскольку она основана на формальном сходстве с бляшкой из кургана IV в. до н. э. Большая Белозерка (Онайко, 1970. Табл. XLII, 505). Других аналогий изображению не приводится, хотя отмечено, что лотос обычно связывают с ионийским искусством. Действительно, мотив лotosовой пальметки, получивший широкое распространение на Древнем Востоке благодаря влиянию сирийско-финикийского искусства, часто использовался в ионийской вазописи

Рис. 3. Бляшки в виде крестообразной фигуры и их аналогии. 1 – нашивные бляшки (ГЭ, инв. № 2537-6); 2 – изображение на дне бронзового сосуда, могильник Марлик, погр. 5 (Negahban, 1996. Fig. 8, 56); 3 – золотая бляшка, Зивие (Girshman, 1979. Pl. III, 2); 4 – декор бронзового пояса, Урарту (Пиотровский, 2011. Рис. 48); 5 – рельеф, Адилчеваз (Ван Кафекалеси) (Vanden Berghe, De Meyer, 1982. Afb. 27); 6 – рукоять меча (деталь), Мельгуновский курган (ГЭ, инв. № Дн 1763-1/20); 7 – ножны меча (деталь), Келермес, курган IШ (ГЭ, инв. № Ку 1903-2/2). 1, 6, 7 – © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Fig. 3. Plaques in the form of a cross-shaped figure and their parallels. 1 – sewn-on plaques (State Hermitage, inv. no. 2537-6); 2 – representation on the bottom of a bronze vessel, cemetery of Marlik, burial 5 (Negahban, 1996. Fig. 8, 56); 3 – gold plaque, Ziwiye (Girshman, 1979. Pl. III, 2); 4 – decoration of a bronze belt, Urartu (Пиотровский, 2011. Fig. 48); 5 – relief, Adilçevaz (Kef Kalesi) (Vanden Berghe, De Meyer, 1982. Afb. 27); 6 – sword handle (detail), Melgunovsky kurgan (State Hermitage, inv. no. Дн 1763-1/20); 7 – sword sheath (detail), Kelermes, kurgan IШ (State Hermitage, inv. no. Ку 1903-2/2). 1, 6, 7 – © The State Hermitage, Saint Petersburg

в эпоху греческой архаики. Как правило, это единичные или расположенные фризами изображения лотосов и бутонов. Антитетичная композиция с изображениями лотосов встречается редко и представлена, пожалуй, лишь в коринфской вазописи среднего периода, датирующегося 590–570 гг. до н. э. (Букина, 2015. С. 80) (рис. 4, 5, 6). Характерно, что сдвоенная пальметка из противопоставленных лотосов часто выступает в качестве центра композиции и напоминает Древо жизни (рис. 4, 5). Вероятно, схема сдвоенной лotosовой пальметки ближе схеме ранее рассмотренного мотива крестообразной фигуры с волютами, встречающегося на урартских поясах (рис. 4, 2–4), нежели ионийскому лотосу, и должна относиться к тому времени, которым датируются урартские артефакты. Соответственно

более вероятной ее датой является середина – третья четверть VII в. до н. э.

Нашивные бляшки с полнофигурным изображением грифона (рис. 5, 1), кроме Эрмитажа, представлены в Берлинской коллекции (10 экз.), музее Пенсильванского университета (4 экз.) и в Метрополитен-музее (4 экз.). Фигуры изображены шествующими влево и вправо; вероятно, вместе они составляли симметричную композицию. А. М. Лесков датировал их V в. до н. э. (Leskov, 2008. P. 53). А. Р. Канторович отнес изображение к Майкопскому типу (II-I-4) и датировал первой половиной IV в. до н. э. (Канторович, 2015. С. 757). Тем не менее важно обратить внимание на ряд особенностей в трактовке образа, которые не позволяют согласиться с предложенными датами и отнесением мотива

Рис. 4. Бляшка в виде сдвоенной лотосовой пальметки и аналогии. 1 – нашивная бляшка (ГЭ, инв. № 2537-8). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; 2 – бронзовый пояс (деталь), Урарту (Çavuşoğlu, 2014. Pl. XIX, 20); 3 – бронзовый пояс (деталь), Урарту (Kelner, 1991. Cat. 13); 4 – бронзовый пояс (деталь), Урарту (Çavuşoğlu, 2014. Pl. XXXIII, 3); 5, 6 – арибалл, пиксида (фрагмент), Коринф (Букина, 2015. Кат. 65, 163)

Fig. 4. Plaque in the form of a double lotus palmette and its parallels. 1 – sewn-on plaque (State Hermitage, inv. no. 2537-8). © The State Hermitage, Saint Petersburg; 2 – bronze belt (detail), Urartu (Çavuşoğlu, 2014. Pl. XIX, 20); 3 – bronze belt (detail), Urartu (Kelner, 1991. Cat. 13); 4 – bronze belt (detail), Urartu (Çavuşoğlu, 2014. Pl. XXXIII, 3); 5, 6 – aryballos, pyxis (fragment), Korinthos (Букина, 2015. Кат. 65, 163)

к типу «позднегреческого грифона». Массивный раскрытый клюв с заметным языком, круглый глаз в миндалевидной глазнице, завиток хвоста с шишковидным окончанием напоминают элементы изображений грифонов на ритоне и зеркале из 3-го Келермесского кургана Д. Г. Шульца (рис. 5, 2), что позволяет предположить их более раннюю дату. Изображения на ритоне и зеркале возводят, как правило, к ионийской художественной традиции, активно взаимодействовавшей с художественными течениями Ближнего Востока (Галанина, 1997.

С. 142, 148; Кисель, 2003. С. 80, 98), однако грифон из Семиколенного кургана имеет существенные отличия. Например, ионийские грифоны всегда изображались с шишкой на голове и с длинным локоном-завитком (рис. 5, 2), отсутствующим у грифона из Семиколенного кургана. Вместо «ионийской шишки» на голове видны два рога (часть гривы?), переданные двумя острыми выступами. Кроме этого, уши ионийских монстров, как правило, меньше и расположены вертикально, в то время как грифон из Семиколенного кургана изображен с непропор-

ционально большим ухом, которое смыкается с крылом: на голове его три выступа, что напоминает гриву (?) монстров на луристанских навершиях (рис. 5, 3) и гривы птицеголовых стрелков на урартских поясах (рис. 4, 4). Большое отогнутое ухо напоминает передачу ушей грифонов с рельефов из Кархемиша (рис. 5, 4, 5) и сосуда из Суз (рис. 5, 7). Определенное сходство с новохеттскими и новоэламскими рельефами есть и в передаче миндалевидного глаза с выделенным верхним веком, и в проработке крыла с крупными маховыми перьями: плечевая часть крыла передается гладкой плоскостью (рис. 5, 5), в отличие от ионийских изображений, где эта часть крыла, как правило, декорирована чешуйчатым орнаментом. Крыло грифона из Семиколенного кургана имеет плечо, переданное сходящимися под углом гладкими плоскостями, и один ряд крупных маховых перьев: так же оформлены крылья персонажей новохеттских рельефов Каратепе (рис. 5, 6). Наличие всех четырех лап у профильного изображения – черта также в большей степени присущая изображениям новохеттского и новоэламского искусства, нежели ионийского круга. Лапы с двумя когтистыми пальцами (рис. 5, 1а) скорее напоминают лапы птицы, чем хищного зверя. Аналогично оформлены лапы птиц с рельефа из Адилчеваза (рис. 5, 8). Итак, круг аналогий указывает на эклектичность образа грифона из Семиколенного кургана: его элементы находят соответствия в луристанской, новоэламской, новохеттской и урартской изобразительных традициях. Наиболее сильное влияние оказало, вероятно, искусство сиро-хеттских царств, существовавших до рубежа VIII–VII вв. до н. э., и Урарту. Все это не позволяет значительно отодвигать его дату от даты рельефа из Адилчеваза.

Таким образом, изображения на всех бляшках восходят к сиро-финикийской, ново-эламской, урартской и луристанской изобразительным традициям и не имеют признаков влияния скифского искусства. О производстве в специализированной мастерской на территории Передней Азии свидетельствуют материал и техника изготовления. Все бляшки сделаны из высококачественного золота: бляшки с изображениями волют-завитков и грифона – из золота 850-й пробы, пальметки с изображением лотосов – из золота 900-й пробы. Бляшки изготовлены из толстого листового золота

в технике тиснения при помощи пуансонов: они одинаковы и имеют более четкий отпечаток на оборотной стороне². Для изготовления подобных серий необходимо было сделать пуансон, что требовало предварительного моделирования в воске, отливки и чистовой доводки. Техника тиснения характерна для высокоразвитого ювелирного производства (Минасян, 1988. С. 51). На оборотной стороне каждой бляшки припаяны по четыре петли из круглой в сечении золотой проволоки для пришивания на одежду. Все это позволяет предположить, что эрмитажные бляшки, равно как и аналогичные в собраниях других музеев, составляли единый комплект, украшавший одеяние погребенного в одном из Семиколенных курганов. Важно отметить, что традиция украшения одежды нашивными бляшками, появляющаяся у скифов в эпоху архаики, впервые зафиксирована в материалах младших келермесских курганов IШ и 24 (Галанина, 1997. С. 136), возведение которых относится ко времени возвращения кочевников из переднеазиатских походов. Полностью лишенный скифских элементов комплект нашивных украшений из Семиколенного кургана является показателем того, что изначально чуждая переднеазиатская традиция была воспринята в неизменном виде: набор сюжетов определяли отнюдь не кочевники, не имевшие аналогичных одеяний. Появление этой впоследствии широко распространенной у скифов традиции относится, вероятно, к третьей четверти VII в. до н. э.

Предположительно, кроме нашивных бляшек, в комплекс этого погребения входили *гвоздики из свернутого трубочкой листа золота* (рис. 1, 11) и пластина – *накладка на сосуд с изображением крылатой антропоморфной фигуры в «колени-преклоненном беге»* (рис. 1, 9), которой посвящено отдельное исследование (Рябкова, 2019). Учитывая многочисленные параллели образу и каноничность положения фигуры, изображение на накладке сосуда из Семиколенных курганов должно быть определено как «Владыка зверей», а не как «Potnia Theron». Специфика воплощения широко распространенного и длительно существовавшего

² Выражаю искреннюю признательность к. и. н. А. Р. Шаблавиной за консультации по данному вопросу.

для 1, 2-8 б/м

1а

2

3

4

5

6

7

8

Рис. 5. Бляшка в виде крылатого грифона и аналогии. 1, 1а – нашивная бляшка и деталь (ГЭ, инв. № 2537-12). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; 2 – зеркало (деталь), Келермес, курган 3Ш (Галанина, 1997. Табл. 1); 3 – бронзовое навершие-стандарт (деталь), Луристан (Negahban, 1996. Cat. 153); 4, 5 – рельефы (деталь), Кархемиш (Akurgal, 2015. Pict. 96a, 96b); 6 – рельеф (деталь), Каратепа (Orthmann, 1971. Taf. 15d); 7 – сосуд, Сузы (Brereton, 2018. Cat. 207); 8 – рельеф, Адилчеваз (деталь) (Vanden Berghe, De Meyer, 1982. Afb. 27)

Fig. 5. Plaque in the form of a winged gryphon and parallels. 1, 1a – sewn-on plaque and a detail (State Hermitage, inv. no. 2537-12). © The State Hermitage, Saint Petersburg; 2 – mirror (detail), Kelermes, kurgan 3Ш (Галанина, 1997. Табл. 1); 3 – bronze top-ensign (detail), Luristan (Negahban, 1996. Cat. 153); 4, 5 – reliefs (detail), Karkhemish (Akurgal, 2015. Pict. 96a, 96b); 6 – relief (detail), Karatepe (Orthmann, 1971. Taf. 15d); 7 – vessel, Susa (Brereton, 2018. Cat. 207); 8 – relief, Adilçevaz (detail) (Vanden Berghe, De Meyer, 1982. Afb. 27)

в искусстве Древнего Востока образа позволила предположить, что пластина изготовлена в том месте, где были сильны традиции искусства Северо-Западного Ирана, Луристана и сиро-хеттских государств. Учитывая несомненное сходство в трактовке ряда деталей на накладке сосуда и ножнах мельгуновского и келермесского мечей, можно предположить, что эти предметы создавались на протяжении небольшого хронологического отрезка. Для мечей он определяется в рамках второй-третьей четверти VII в. до н. э. (Кисель, 2003. С. 30) и, веро-

ятно, для накладки может быть определен в пределах окончания этого периода – речь идет о третьей четверти VII в. до н. э.

В итоге, с учетом количества сохранившихся предметов одного из курганов на плато Шахан, рассеянных по разным музеям мира, можно утверждать, что на плато Шахан был разграблен богатейший комплекс, сопоставимый как по пышности представленных материалов, так и по месту их изготовления и, вероятно, хронологическому периоду с младшими курганами Келермеса.

- Букина, 2015 – Букина А. Г. при участии Петраковой А. Д., Алексинского Д. П. Коринфские вазы и их античные имитации: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 456 с.
- Галанина, 1997 – Галанина Л. К. Келермесские курганы. Царские погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф. 1997. 316 с.
- Гладкий, 1913 – Гладкий И. Отчет по Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею за 1911–1912 гг. Екатеринодар, 1913.
- Иессен, 1955 – Иессен А. А. Несколько бронзовых предметов, найденных в районе станицы Тульской // СГЭ. 1955. Вып. VIII. С. 31–33.
- Канторович, 2015 – Канторович А. Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2015. 1686 с.
- Кисель, 2003 – Кисель В. А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 192 с.
- Манцевич, 1966 – Манцевич А. П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. 1966. № 8. С. 23–38.
- ОИАК 1918 – Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1913–1915 гг. Петроград: Девятая государственная типография, 1918. 295 с.
- Онайко, 1970 – Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. М.: Наука, 1970. 213 с. (САИ. Вып. Д1-276).
- Пиотровский, 2011 – Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. СПб.: Искусство России; Филологический факультет СПбГУ, 2011. 653 с.
- Рябкова, 2019 – Рябкова Т. В. О золотой накладке на сосуд из Эрмитажа // ВДИ. 2019. В печати.
- Akurgal, 2015 – Akurgal E. Hattı ve Hitit Uygarlıkları. Ankara: Phoenix Yayınları, 2015. 344 p.
- Brereton (Ed.), 2018 – I am Ashurbanipal king of the world, king of Assyria / Ed. G. Brereton. London: Thames and Hudson, 2018. 288 p.
- Çavuşoğlu, 2015 – Çavuşoğlu R., Urartian belts = Urartu kemerler (Exhibition catalogue). Istanbul: Rezan Has Müzesi, 2014. 201 p.
- Dimand, McAllister, 1940 – Dimand M. S., McAllister H. E. Near Eastern Jewelry: a Picture Book. New York: Metropolitan Museum of Art, 1940. 31 p.

- Girshman*, 1979 – *Girshman R.* Tombe princière de Ziwiyé et le début de l'art animalier Scythe. Paris: E. J. Brill, 1979. 49 p.
- Kelner*, 1991 – *Kelner H.* Grouping and dating of Bronze Belts // *Urartu – a Metalworking Center in the first Millennium B.C.E.* / Ed. R. Merhav. Jerusalem. Israel Museum, 1991. 364 p.
- Leskov*, 2008 – *Leskov A. M.* The Maikop Treasure. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 304 p.
- Negahban*, 1996 – *Negahban E. O.* Marlik. The Complete Excavation Report. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996. Vol. 2. 408 p.
- Orthmann*, 1971 – *Orthmann W.* Untersuchungen zur späthethitischen Kunst (Investigations of Late Hittite Art). Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1971. 565 S. (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 8).
- Vanden Berghe, De Meyer*, 1982 – *Vanden Berghe L., De Meyer L.* Urartu. Een vergeten cultuur uit het bergland Armenië. Catalog of an exhibition held Oct. 9, 1982 – Jan. 30, 1983 at the Centrum. Gent: Centrum voor Kunst en cultuur, 1982. 256 p.

**Assemblage from one of the Semikolennye kurgans
in the collection of the State Hermitage Museum**

T. V. Ryabkova

This paper is devoted to publication and attribution of a series of gold objects from collections no. 2537 and no. 2494 at the State Hermitage Museum. A gold cover plate for a wooden vessel with a representation of the Lord of Beasts and a series of sewn-on plaques in the form of a cross-shaped figure with a rhombus in the centre, a double lotus palmette, and a walking gryphon come from one of the destroyed Semikolennye

kurgans on the Shakhan plateau. Stylistic analysis has enabled to establish that these plaques belong to the Near East figurative tradition and, similarly to analogous objects from museums of Berlin, Philadelphia, and New-York, served as decoration of the garment of the buried individuals in one of the Semikolennye barrows. The date of the making of these objects is defined to within the third quarter of the 7th century BC.